

Державина Е.И.

Не названные участники создания Словаря Академии Российской 1789–1794 гг.

Автор словаря “Церковного языка”

Алексеев Петр Алексеевич

(1727 — 1801)

“Коликого труда стоило верное книжных глав и стихов, а инде и страниц числительными знаками (цифрой) выписание к каждому речению и с подлинниками сведение, тому, кроме упражнявшихся в сочинении такого рода, никто не поверит”.

П.А. Алексеев. Предисловие к “Церковному словарю”

Протоиерей П. А. Алексеев родился в 1727 г. в Москве. Отец его был пономарем при церкви Николая Чудотворца, в Кузнецкой слободе за Москвой-рекой. Образование он получил в московской Славяно-греко-латинской академии, в которой учился около 12 лет и получил превосходное по тем временам образование, хотя, по словам М.И. Сухомлинова, в преподавании тогда “новизна мешалась с давними преданиями, и при изложении одного и того же предмета старинные школьные обычаи и приемы уживались с новыми требованиями, с попытками освободить науку от стеснительных условий схоластики”.

Алексеев был студентом богословия и по окончании по правилам академии мог бы получить место священника в столице. Однако из-за личных, семейных причин за год до окончания академии он поступает на место дьякона Архангельского собора (в Московском Кремле) с обязательством закончить курс. На этой должности он получил возможность ознакомиться с книгами Синодальной библиотеки, разбором и описанием которой он занимался со всей тщательностью. Чтение книг Синодальной библиотеки дополнило образование Алексеева, сделав его человеком заметным в духовной среде. В награду за свой труд Алексеев получил место священника при том же Архангельском соборе. Из Архангельского собора Алексеев не надолго был определен Синодом в Успенский ключарем. Но так как одновременно он был уже преподавателем университета, а новая должность занимала больше времени и он меньше мог уделять времени преподаванию, то по вмешательству И.И. Шувалова Алексеев опять был переведен в Архангельский собор в звании протоиерея. Алексеев служил там в течение 30 лет вплоть до своей кончины 22 июня 1801 г.

Алексеев на протяжении всей своей жизни совмещал службу в церкви с педагогической деятельностью. По прошествии двух лет службы в Архангельском соборе Алексеев был избран преподавателем Закона Божия в Московский университет. В течение 42 лет он был одним из самых уважаемых студентами преподавателей университета.

Во внешних событиях жизни П. А. Алексева, человека замечательного, отразилось внутреннее состояние образованного русского духовенства, его стремление не только в достижении образованности для себя, но в первую очередь стремление дать знания другим. В общественной же деятельности Алексева отразилась борьба белого духовенства за равные права с черным¹. Принадлежа к белому духовенству, он защищал его представителей и придерживался той точки зрения, что белое духовенство также

¹ Белое духовенство, состоящее из дьяконов, иереев, протоиереев, не могло претендовать на высокие должности. Это положение сохраняется и в настоящее время, когда только монахи, т.е. представители черного духовенства могут стать высоко в церковной иерархии.

может занимать высшие церковные чины. Вслед за Феофаном Прокоповичем, ближайшим сподвижником Петра I в проведении церковной реформы, он также обличал монахов-честолюбцев, считая, что черному духовенству (монахам) должен быть противен дух честолюбия и власти. Благодаря таким взглядам Алексеев, естественно, нажил себе недоброжелателей в среде высшего духовенства. Одним из них был митрополит московский Платон (Левшин), грозивший ему даже «отрешением от места». Брат Платона — протоиерей Успенского собора Александр, также притеснял и оскорблял Алексеева, причем несколько раз, однажды даже во время крестного хода, чуть не доходило до рукоприкладства.

Алексеев вынужден был искать защиты. Его заступником и единомышленником был член св. Синода и Российской академии, духовник Екатерины II протоиерей И. И. Памфилов, личный враг митрополита Платона. Покровительствовал Алексееву и князь Потемкин. Взяла его под свою защиту и Екатерина, повелевшая московскому главнокомандующему Еропкину взять его «в особенное защищение от могущих случиться московским митрополитом притеснений».

Самым важным трудом П. А. Алексеева был «Церковный словарь или истолкование речений древних, також иноязычных, без перевода положенных, в священном писании и других церковных книгах». Он также явился самым существенным произведением Вольного Российского собрания. Целью своего словаря он и его сочлены по Собранию ставили дать пособие при чтении библейских книг не только студентам, но и прочим, а также усовершенствовать русский язык. Первый раз словарь был издан в 1773 г. в Москве. Словарь Алексеева справедливо можно назвать итогом кропотливого труда всей жизни автора.² Алексеев, избранный в члены

Российской Академии в 1783 г. по предложению Е.Р. Дашковой, не мог участвовать в собраниях академии как иногородний ее член, но от работ по составлению академического словаря не отказался, взяв на себя выбор слов из трудов Вольного Российского собрания, а также прислав рукописные дополнения к своему словарю.

Внимание к словарю Алексеева не случайно, так как он стал настольной книгой для составителей Словаря Академии российской. При сравнении словарных статей словаря Алексеева и академического заметно, что составители опирались на словарь Алексеева при выработке толкований, подаче примеров, главным образом из библейских книг, добавляя и перерабатывая его словарные статьи. Однако существенное различие в организации лексического материала состоит в том, что словарь Алексеева — азбучный. С точки зрения подачи словарного материала академический словарь имеет преимущества в том смысле, что в нем выработана более четкая система.

Алексеев писал в предисловии к своему словарю, что он начал им заниматься «по одной своей склонности, для собственного сведения собирал отовсюду невразумительные и из употребления разглагольственного вышедшие речения, приискивая по возможности из разных книг оным толкования, и, при преподавании университетским ученикам катехизиса, об оных по надлежащему сообщая». Первое издание словаря содержит почти исключительно церковную лексику, В последующих же изданиях словник словаря начинает заметно расширяться. Автор его собрал и потолковал не только слова, относящиеся к церковной лексике. Словарь содержит толкования слов, относящихся к русским дохристианским верованиям: *Коледа, Купало, поле*; слова из области зоологии, минералогии и других естественных знаний: *крокодил, единорог, комета, яспис*. Словарь содержит много сведений о классической древности, средневековой Европе (в словаре есть словарные статьи на слова: *друиды, барды, иезуиты*), а также о старинном русском быте (словарные статьи на слова: *местничество, память, охабень*). Выписывал и

² Словарь был предназначен «для справок при чтении церковных книг, труд филологический и историко-эксегетический, свидетельствующий о ... обширной учености и обнимающий почти все предметы классического и средневекового мира, который послужил источником при составлении самых лучших словарей последующего времени» (Сл. Брокгауза и Ефрона)

объяснял Алексеев также и некоторые обороты: *кровь вопиет, жадати правды, вложити древо в хлеб, око избости* и др. Однако, эту лексику, значительно расширяющую словник Алексеев не включил в первое издание своего словаря.

Источниками для словаря Алексеева были в основном памятники русской письменности: Четьи-минеи, Палая, Пчела, летописи и другие памятники рукописные и печатные. Для организации материала в словаре и выработки его структуры Алексеев опирался в своей работе на современные ему или вышедшие ранее лексикографические сочинения. Он привлекал в качестве пособий: грамматику Мелетия Смотрицкого, словарь Памвы Беринды, лексикон трехязычный Федора Поликарпова, Словарь русских писателей Новикова.

В словаре прослеживается взгляд на русский язык, свойственный образованным людям того времени, как на язык простой, просторечный в отличие от славянского, языка книжного. Об этом свидетельствуют следующие примеры из словаря:

Брада — просто же *борода*.

Есень — попросту *осень*.

Даждь — вместо того просто говорится *дай*.

Май месяц просто называется *май*, на что поселяне имеют и резон свой.

Будуществовати — откладывать на будущее время: просто же *кормить завтраками*.

Словарь Алексеева был высоко оценен современниками. Так профессор Баузе называл его *liber doctissimus et utilissimus*. Несмотря на то, что некоторые представители духовенства критиковали словарь за слишком вольное толкование многих церковных предметов, личный враг Алексеева мт. Платон поддержал его и одобрил переиздание словаря в 1794 г. со значительными дополнениями. При этом издании помещены стихи неизвестного автора:

“Не тщетный вымысел, ни гнусна свойством лесть

Здесь Алексеева дает талантам честь;

Но все российских стран ученые светила

Гласят, что слов его толк справедлив и сила”.

Последний раз словарь Алексеева был переиздан в 1818 году. И. И. Срезневский, известный ученый-филолог XIX в., писал о словаре Алексеева, что он “и в первоначальном своем виде представил ответы на все вопросы, которых решения можно было от него ожидать. Исправляемый и дополняемый он дожил до четвертого издания, служил источником для самых лучших словарей последующего времени, и до сих пор не потерял своего достоинства не как памятник литературно-исторический, а как пособие полезное для справок ... словарь, в котором было бы вполне объяснено содержание книжного русско-славянского языка вместе с понятиями учеными и церковными, выраженными этим языком, есть книга необходимая теперь едва ли не более, чем прежде.»

Ради своих слушателей он предпринял составление и издание двух своих словарей — Церковного языка и «Словарь еретиков и раскольников», — желая дать им достаточное пособие при чтении библейских текстов. После издания словаря церковнославянского языка куратор московского университета И.И. Шувалов, по достоинству оценив сочинение Алексеева, подал прошение в Синод с тем, чтобы Алексеев был освобожден от чтения проповедей, и чтобы было уменьшено число проводимых им служб ради его преподавательской деятельности. Для своих же учеников Алексеев издает книгу Петра Могилы, известную под названием «православного исповедания». П. А. Алексеев написал, помимо перечисленного, «Историю греко-российской церкви». Он также первый познакомил любителей старины с переводом Библии, сделанным Франциском Скориной и поместил в трудах Вольного российского собрания описание книги Апостол, переведенного Скориной в Вильне в 1525 году. У современников Алексеев снискал

известность как замечательный проповедник и стихотворец. Он писал духовные стихи, переложения ирмосов Иоанна Дамаскина.

Вот переложение П.А. Алексеевым ирмоса на рождество Христово:

Христе преславный благодетель!
 Покрытых нас делами тьмы
 Очисть, наставь на добродетель
 Поющих бодрыми умы:
 Дабы стезю узнавши праву,
 Обрести могли прямую славу.
 (Ирмос 5 из пропročества Исаии, гл. 26, стих 9-21)

Современники высоко ценили знания П.А. Алексеева в области церковных древностей и российской истории, а также его знание славянского и русского языков. И он, хотя и не был членом многих ученых обществ, состоял с ними в переписке, делясь с ними своими обширными знаниями.³

В 1771 году при Московском университете было образовано Вольное Российское Собрание, которое главной своей целью считало обогащение и исправление русского языка. Основным средством для достижения поставленной цели члены Собрания видели в составлении словаря русского языка.⁴ Алексеев был избран в собрание. Членами собрания были также кн. Дашкова, М. М. Херасков, Д. И. Фонвизин, Г. Р. Державин, А. А. Барсов, Б. Я. Княжнин, С. Е. Десницкий, Г. А. Потемкин, И. И. Мелиссино и др. Большинство из них, равно как и сам П.А. Алексеев, стали позднее членами Российской Академии.

Литература

1. *Евгений (Болховитинов)*. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина. СПб., 1827.
2. *Сухомлинов М. И.* История российской Академии. Т. I, СПб., 1874.
3. *Розанов Н.* История Московского епархиального управления со времени утверждения св. Синода. СПб., 1869.
4. *Новиков И. Н.* Исторический словарь русских писателей. М., 1987 (переизд.).
5. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1889. Т. 1-6.
6. Материалы для истории русской литературы. Изд. П. А. Ефремова. 1867.
7. *И. И. Срезневский*. — Журнал Министерства народного просвещения, 1848, № 6. С. 6.
8. Русский архив. 1863.

³ Интересно, что брат П. А. Алексеева Иван Алексеевич, преподававший в Сухопутном Шляхетском корпусе историю, географию и философию также был не чужд филологической и лексикографической деятельности. Для Собрания переводчиков он в 1772 г. перевел “Валерия Максима изречений и дел достопамятных книг девять”, снабдив его терминологическим словариком.

⁴ Позднее, в 1783 г., Вольное Российское Собрание было распущено, так как на смену ему под руководством Е. Р. Дашковой была открыта Российская Академия, ставившая перед собой такие же цели и задачи.

“Великий муж русской грамматики”

Барсов Антон Алексеевич

(1730 — 1791)

“Память его почтенна не по одной обширной учености, которую ознаменованы все сочинения его, но и по возвышенной душе, исполненной честности и добродетели, которые таились под суровою наружностью, свойственной твердым характерам. Он столько любил науки, занимаясь ими всю жизнь свою, что не хотел никогда расстаться с ними; не хотел променять их на блистательные почести”.

К.Ф. Калайдович.

Антон Алексеевич Барсов родился в Москве в 1730 г. Отец его, Алексей Кириллович, родом из Ярославля, учился у Софрония Лихуда. Он был известным ученым-языковедом Петровского времени и переводчиком с греческого языка. Служил А.К. Барсов директором Синодальной типографии, справщиком библейских текстов⁵, а также учителем греческого и латинского языков в Славяно-греко-латинской академии. Антон Алексеевич рано потерял своего отца, схваченного по навету и умершего в заключении.⁶

Антон Алексеевич Барсов получил образование сначала в Славяно-греко-латинской академии в классе пиитики, а затем в гимназии при Академии наук в Санкт-Петербурге. Еще в 1718 г. Петр I издал указ «сделать в Петербурге академию и приискать из русских, кто учен и к тому склонность имеет»⁷. Выбор учеников был произведен уже после его смерти. В 1735 году Елизавета Петровна повелела набрать из церковных училищ наиболее способных в латинском языке и других науках учеников. В Москву с этой целью был отправлен В.К. Тредьяковский. Он выбрал несколько учеников, среди которых был и Барсов⁸. Впоследствии Барсов вполне оправдал выбор Тредьяковского. В Академическом университете учителями А.А. Барсова были Рихман, Тредьяковский, Ломоносов. Своими знаниями и прилежностью он вызывал похвалы у многих преподавателей. Академик Фишер, преподававший словесные науки, так отозвался о своем ученике: «Барсов очень остроумен, и легко нечто может заметить, понять и выдумать может. Он как в словесных науках, так и в философии с равною добротой упражнялся, и думаю, что он в каждой другой науке, а именно к которой он охоту имеет, со временем превзойти может». Когда студентам было предложено выбрать курс наук для продолжения обучения и совершенствования в какой-либо области знаний, Барсов выбрал философию и астрономию. В 1753 г. он окончил гимназию со степенью магистра и

⁵ Однако участие А. К. Барсова в исправлении текста Библии — вопрос спорный, и не все исследователи допускают его участие в этом предприятии.

⁶ Участвовал также Барсов в важном деле предпринятого в 1712 году исправления текста славянского перевода Библии. Он же производил в 1724 г. сличение изданной при Киево-Печерской лавре Триоди и нашел отступление от текста, напечатанного в Москве. В 1725 г. появился в Москве перевод Барсова лично Петром ему порученной книги — "Аполлодора, грамматика афинского, библиотека, или О богах", к которому он приложил комментарии разночтений и "Каталог собственных имен греч., с означением употребления их российского". Кончил свою жизнь Алексей Барсов очень печально. Он имел несчастье запутаться в известную распрю между Феофаном Прокоповичем и Стефаном Яворским и в августе 1732 г. был схвачен и отвезен в Петербург в Тайную канцелярию. Вся вина его заключалась в том, что он читал рукописный "пашквиль" на Феофана и выдал шрифт для напечатания книги доминиканца Рибейры, защищавшего Стефана Яворского и нападавшего на противника последнего — протестантского богослова Буддея. За такие провинности Барсова четыре года держали в строжайшем заточении до самой его смерти, 22 мая 1736 г. (Сл. Брокгауза и Ефрона).

⁷ Смирнов С.К. История московской славяно-греко-латинской академии. М. 1855. С. 237.

⁸ Антон Барсов учился в университете вместе с С. Я. Румовским, С. К. Котельниковым и другими учеными, которые впоследствии участвовали в составлении Словаря академии Российской.

некоторое время обязан был преподавать там математику и заниматься переводами научных сочинений, которых в то время на русском языке было очень немного.

Когда в 1755 г. открылся Московский университет, куратор его И. И. Шувалов по выбору президента Академии наук графа Разумовского пригласил А. А. Барсова занять кафедру математики, философии и свободных наук для обучения студентов латинскому языку и математике. Важно отметить, что лишь двое — Барсов и Поповский, занявший кафедру по словесности и философии, были воспитанниками Академии наук, остальные же профессора были выписаны из-за границы. Однако в 1761 г. Барсов по поданному им прошению перешел на кафедру красноречия, то есть русской словесности, в должности профессора и занимал ее в течение 30 лет.

В университете Барсов был одним из самых любимых и уважаемых студентами профессоров, несмотря на его неизменно грозный вид. Вот две выдержки из воспоминаний о Барсове его студентов: «Старик был немного низкого роста, кубической толщины, имел огромное лицо и парик, профиль овальный, большой нос, от полного лица обвислые щеки, толстые выпуклые глаза, язык с присыком, говорил красно, писал сухо. С природною ему важностью соединял шутки и насмешку; богатый имел запас пословиц, бывал попеременно угрюм и весел; двойным оружием грозен был для всех. Не щадил едких упреков студентам в отлучках, в ошибках или рассеянии: “Добро пожаловать! Что, сударь, на вас голова или чайник?” Ошибся ли кто в анализе, в выговоре... или в сочинении на слове пропустит букву, или запятую в письме, передразнит, переиначит и шумит: “По вашему это малость! Нет, Сударь! из малого составляется большое... Какой из вас будет студент?”». Другой его ученик, писатель М.Н. Муравьев, вспоминал: «Нрава он был непорицательной честности и важность его не мешала добросердечию и приятности обхождения. Он был уважаем в публике московской и имел приятелей в отличном классе людей». Н.М. Карамзин, большой почитатель Барсова, писал, что именно он научил его задумываться над словом. В своей небольшой статье о Барсове Карамзин показал человека, увлеченного одной всепоглощающей страстью к грамматике. Из-за этой страсти он лишился одного глаза⁹ и однажды, составляя для начальства документ и задумавшись над одной грамматической трудностью, был вынужден некоторое время голодать, сидя взаперти. При этом он считал, что грамматик должен учитывать явления живого разговорного языка и “должен быть добродушным и жалостливым, особливо к стихотворцам”.

Кроме того Барсов долгое время был цензором университетских изданий, издателем и редактором Московских ведомостей, инспектором гимназий при Университете, а также в 1763 г. по проекту И. И. Бецкого сочинил Устав московского воспитательного дома. По мысли авторов проекта из несчастных брошенных младенцев в результате разработанной ими системы воспитания и образования должны были образоваться люди, полезные обществу либо своим ремеслом, либо умственной деятельностью.

Умер Барсов 21 декабря 1791 г. в Москве и похоронен в Спасо-Андрониевом монастыре. После его смерти обширный архив его был куплен А. И. Мусиным-Пушкиным и сгорел, видимо, полностью в 1812 г.

Участие Барсова, человека, как он сам о себе говорил, “рожденного для грамматики”, в создании академического словаря было поистине бесценно. Он сообщил свои критические замечания в общей сложности на 7 листов словаря. В апреле 1784 г. Барсов сообщил свои замечания и дополнения на букву *А*. Для грамматического отдела, в

⁹ Рассказывают следующее: чтобы упрочиться во мнении о той или иной грамматической конструкции Барсов задавал вопросы людям знакомым и даже незнакомым. Однажды он обратился к одной молодой наезднице, сопровождаемой офицером. Лошадь ее испугавшись чуть не понесла и офицер, заступившись за свою даму, ударил профессора плеткой. Удар пришелся по лицу и повредил Барсову глаз.

котором он состоял, Барсов прислал свои рассуждения о правописании *Е* и *@*, которые были прочитаны на одном из заседаний И.И. Лепехиным.

При торжественном избрании своем на эту кафедру он говорил речь на русском языке «О пользе красноречия в Российской империи» (тогда более принятым было произнесение речей перед университетской аудиторией на латыни). Произнесение публичных речей от имени преподавателей университета было его обязанностью, как профессора красноречия, а также как искусного оратора, прекрасно владеющего русским языком. Сохранилось довольно значительное число речей Барсова, произнесенных им по различным поводам. Они были признаны образцовыми и переиздавались даже в 1819 г.

В преподавание русской литературы Барсов вводил исторический принцип. Разбирая конкретное литературное произведение, он давал своим слушателям сведения о жизни писателя и об эпохе, в которую он жил. Барсов был знатоком современной ему русской литературы, считая наивысшим ее проявлением сочинения Ломоносова, поэтому, читая литературу классическую он не забывал российскую литературу и русский язык, сравнивая литературные приемы классических и русских поэтов. Иногда Барсов вводил в преподавание и российскую грамматику, “чтоб слушатели его упражнялись в переводах и сочинениях на латинском и российском языках”.

В 1767 г. Барсову было поручено написать для Комиссии по новому Уложению многие пункты по статье о дворянстве. Этот его труд не остался незамеченным. Екатерина II, собираясь писать свои «Записки», касательно российской истории, обратилась к И. И. Шувалову, и тот, в свою очередь, поручил Барсову сделать выписки из различных летописей, начиная с записей под 1224 г.

По поручению Комиссии народных училищ А. А. Барсов написал «Российскую грамматику». Это поручение совпало с избранием его в Российскую академию, однако работе по словарю, в которой он также принял участие, Барсов предпочел написание учебника, которое его поглотило совершенно, он весь погружался в грамматику. Составление словаря Барсов также рассматривал с точки зрения пользы в обучении грамматике¹⁰. Н.М. Карамзин писал, что, он “живет единственно для склонений и спряжений, божится родами и видит во сне наречия”. Работа заняла период с 1785 по 1788 гг. В представленном комиссии обширном опусе автор предлагал очень оригинальные усовершенствования, по тому времени просто революционные. Например, предполагалось исключить буквы *Ъ* и *И*, заменив их соответственно на *Ь* и *И* (такую же реформу предлагал и В. К. Тредьяковский). Предлагал он также исключить □ как не имеющую отличий от *Ф*, а также упразднить *Ъ* после согласных в конце слова. В грамматике предложено ввести знак *io* для обозначения ударной гласной в словах *мед*, *лед* (лишь позднее Н. М. Карамзиным была предложена для таких случаев буква *ѐ*). В работе над грамматикой Барсов учитывал взгляды современных ему европейских филологов и, конечно же, опирался на труды Ломоносова и Тредьяковского, но не дословно им следовал. Ф. Буслаев писал, что Барсов “оказывается в своей грамматике достойным последователем Ломоносова”. Грамматика не была напечатана, так как, предложенная в ней реорганизация системы орфографии испугала комиссию. Как пишет Евг. Болховитинов, «мнение и привычки публики остались непреодолимы». Комиссия поручила сделать из грамматики Барсова сокращения, а новую грамматику поручила написать другому автору.

В соответствии со своими правилами Барсов написал в 1768 г. “Азбуку церковную и гражданскую с краткими примечаниями” и статью «Свод бытий российских», напечатанную в Московском журнале в 1792 г. Н. М. Карамзиным. Последняя

¹⁰ «Лексиконы также, или собрания слов, расположенные по алфавиту, то есть по порядку литер азбучных одной за другою, сверх главного их употребления в переводе на другие языки, весьма много способствуют и к правописанию». Барсов А.А. Азбука церковная и гражданская, с краткими примечаниями о правописании. М. 1768 г. с. 53.

представляет своего рода хронологический указатель событий русской истории, составленный им по летописям и по истории Татищева. Это был своего рода начальный этап задуманного труда, состоящего в расписывании всех возможных источников, содержащих сведения по истории России. В результате Барсов предполагал получить обширный полный материал для историков.

Барсов изобрел также способ сокращенного письма на русском языке. Об это он написал и представил написанную на латинском языке диссертацию «De Brachygraphia». В ней он предлагал многие слова, особенно имена собственные и часто повторяющиеся, писать кратко, а некоторые — одной-двумя буквами. В периодических сочинениях Академии наук, «Академических известиях», издававшихся с 1779 по 1781 гг. некоторые статьи печатались по правилам А. А. Барсова.

В 1770 г. было издано «Собрание 4.291 древних русских пословиц». Этот труд Барсова был одной из самых ранних попыток собирания русских пословиц.

Одновременно с избранием Барсова в члены Российской академии ему было поручено составление руководства по русской грамматике, может быть этим, помимо жизни в другом городе, можно объяснить не очень большое его участие в составлении словаря.

А. А. Барсов пользовался уважением в литературных кругах. Его глубочайшие познания в русском языке и словесности сделали его членом многих научно-литературных обществ, среди которых, учрежденное в 1771 г. И. И. Мелиссино при Московском университете Вольное Российское собрание (1771-1783). Барсов был его бессменным секретарем, а также издателем и редактором Опыта трудов Вольного российского собрания. В вышедших шести частях Барсов поместил тексты своих речей, а также изданные им памятники истории русского языка. Когда собрание было упразднено с организацией Российской Академии, он становится ее двадцатым членом, вслед за Г. Р. Державиным. В 1789 г. в Москве Барсов вошел в Общество любителей учения, целью которого было — распространение знаний, просвещения. Был также Барсов иностранным членом Йенского латинского общества, образованного поклонниками латинского языка. Чтобы стать его членом, необходимо было совершенно изъясняться и писать на латинском языке.

С Российской академией, как иногородний ее член, Барсов общался по почте, предпочитая все же передавать свои послания в академическое собрание с оказией, через людей, часто бывающих в Петербурге. Неоднократно замечания Барсова доставлял в академию И. И. Мелиссино.

Литература.

1. *Евгений (Болховитинов)*. Словарь русских светских писателей, соотечественников и иностранцев... М., 1845.
2. Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета. М., 1855, т. I.
3. *Сухомлинов М. И.* История российской Академии т. 4, СПб., 1874.
4. Энциклопедический лексикон. 1836. Т. V, с 16-17.
5. *Карамзин Н.М.* Великий муж русской грамматики / Сочинения. 1848. Т.8. С. 207-224.